

ВВЕДЕНИЕ

Исследования о выдающихся собирателях фольклора обычно носят науковедческий историографический характер. Подобные работы привели к необходимости поиска новых методов в целях расширения источников и круга изучаемых лиц—для восполнения пробелов в истории армянской фольклористики на этапе ее источниковедческой базы.

Безусловно, специфика первичных (полевых) источников влияет на результаты любого исследования, однако нередко они проходят незамеченными. Поэтому весьма актуальной задачей любой науки есть и будет критический анализ процесса образования ее источниковедческой базы. Этим определяется цель нашей работы и вместе с тем подход к изучению деятельности тех людей, которые занимались накоплением материалов.

Особенностью предлагаемого исследования является следующее: о фольклористах-собирателях обычно пишут и судят на основе биографических данных, ссылаясь на субъективные высказывания самих «героев» биографий; в этом свете рассматривается преимущественно и их научное наследие. История фольклористики предстает чаще всего как история идей, воплощенных в теоретических рассуждениях.

Правомерно было бы судить о деятельности выдающихся собирателей фольклора не по их высказываниям и абстрактным идеям, а по их делам, научным и общественным воззрениям. Отсюда методологически вытекает мало использованная историками фольклористики возможность: выявление субъективных концепций из структуры накопленных коллекций, доставшихся нам в качестве объективной источниковой базы.

Подобный подход, к сожалению, все еще считается новым в нашей науке, а потому может показаться и спорным. Тем более, что для характеристики фольклорной и филологической источниковой базы в целом необходимо применять некоторые элементарные методы количественного анализа.

Гражданская же история, не говоря уже об истории экономики, революционного движения и т. п., в настоящее время уже не

мыслится без количественной оценки явлений. Но история литературы еще не обратилась к средствам статистики. Это относится и к истории устного народного творчества, к истории изучения этого творчества, т. е. к истории фольклористики (справочники обычно ограничиваются указанием на количество собранных материалов). В этом отношении выгодно отличается исследование фольклористики Таджикистана в работе М. Негматова «Таджикская фольклористика—опыт количественного анализа библиографии» (Душанбе, 1972), проделанной в связи с программой большого свода таджикского фольклора, разработанной И. Г. Левиным в 1968 г. Метод количественного анализа применен С. А. Гулакян в составленном ею «Указателе мотивов армянских волшебных сказок», где выявлены мотивный указатель и предметное содержание армянского сказочного репертуара. В опубликованных сборниках Р. Григорян «Гегаркуник» (1983) и В. Свазлян «Муса-лер» (1984) указанная выше методика исследования представляет интерес для фольклористов, этнографов и социологов.

В какой мере этот путь лежит в русле мировой науки, видно хотя бы из того факта, что финский ученый Матти Сармела лишь в 1973 г. поставил вопрос о применимости количественных методов к архивному материалу этнологии Европы. Считают это актуальным (в их новейшем руководстве по народоведению) для составления истории культуры также Вигельман Цендер и Хейльфурт (1977).

Перед нами стояла более скромная задача: путем количественного анализа использовать фольклорный фонд, собранный под руководством Т. А. Навасардяна, осветить важный этап в образовании армянского культурно-исторического наследия. Одновременно мы постарались внести посильный вклад в подготовку истории фольклористики как часть истории общественного движения на рубеже XIX и XX вв., столь важных в судьбе армянского народа.

Сбор фольклорных материалов, тесно связан с общественной мыслью и демокра-

тическим движением, что показано, в частности для России, в целой серии работ М. К. Азадовского, обобщенных в его «Истории фольклористики». Однако для всего сообщества народов СССР, исторически связанных с историей России и русского передового общества, подобной работы еще нет.* Написание ее—дело будущего. Для этого прежде всего требуются многочисленные предварительные разыскания. Ряд исследований, в частности по истории фольклористики Прибалтики и Кавказа, уже вышли в свет (см., например, работы Г. А. Григоряна «Армянский фольклор» (Ереван, 1967), А. Т. Ганалаяна «Очерки по истории армянской фольклористики» (Ереван, 1985), М. Я. Чиковани «История грузинской народной словесности» (Тбилиси, 1956) и «Грузинское народное поэтическое творчество» (Тбилиси, 1972) и др.). Свести все имеющиеся работы воедино для будущей «Истории культуры СССР» или «Истории фольклористики в СССР»—нелегкая задача. Для создания подобной обобщающей работы требуются систематические исследования по регионам, по отдельным деятелям науки и крупнейшим собирателям, в частности армянским. Опубликованы работы С. Арутюняна об Абягна и В. Свазяна о крупном собирателе армянского фольклора С. Айкуня. Армянские и прибалтийские фольклористы в известной мере испытали и свое-

образно синтезировали идеи и опыт как русских, так и западноевропейских ученых.

Если предпринятым нами исследованием удалось преодолеть трудности, обусловленные исторической спецификой армянской культуры и определенной новизной подхода к задаче, то достигнутые результаты (как фактические, так и методические) можно рассматривать как скромный экспериментальный опыт в деле написания истории армянской фольклористики, являющейся частью всеобщей истории фольклористики народов Советского Союза.

Основным источником для выполнения данной работы служил архивный фонд Тиграна Навасардяна в фольклорном архиве Института археологии и этнографии АН Армянской ССР. Использованы статьи о деятельности Т. Навасардяна в периодической печати и архивные фонды современников—Баграта Навасардяна, Раффи, Степаноса Падасаяна, Ерванда Далааяна, хранящиеся в Музее литературы и искусства Армянской ССР им. Е. Чаренца (МЛИ АрмССР), в Центральном государственном историческом архиве Армянской ССР (ЦГИА АрмССР), Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР (ЦГИА ГССР).

Материалы и фотографии о жизни и деятельности Т. Навасардяна представлены также сыном собирателя—Нерсесом Навасардяном и его семьей.

* Имеются серьезные, хотя, возможно, и преждевременные попытки обобщения мировой, в особенности западноевропейской фольклористики.